

УДК 72.03"722"

© С. П. Заварихин, д-р архит., профессор
© В. А. Неведов, д-р архит., профессор
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
© Т. А. Славина, д-р архит., профессор, академик РААСН
(ООО «Архитектурная мастерская Т. А. Славиной»)
E-mail: slavina.t@list.ru, z-svetozar@mail.ru,
valerynefedov@yahoo.com

© S. P. Zavarichin, Dr. Arch., Professor
© V. A. Nefedov, Dr. Arch., Professor
(Saint-Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering)
© T. A. Slavina, Dr. Arch., Professor, Academician of RAACS
("Architectural workshop of T. A. Slavina", LLC)
E-mail: slavina.t@list.ru, z-svetozar@mail.ru,
valerynefedov@yahoo.com

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

SOME OF THE BASICS OF ARCHITECTURAL AND URBAN TRANSFORMATION THEORY

Формулируются исходные базовые понятия и положения теории архитектурно-градостроительных преобразований. Используются разработанные И. Голосовым понятия каркаса, ткани, архитектурно-градостроительных организмов, «линий тяготения». Утверждается понимание архитектурно-градостроительной композиции как эстетически обусловленного взаиморасположения материальных элементов и пространств. Структура объектов преобразования представляется как укрупненный «силовой» каркас, плоскостный или объемно-пространственный. Утверждается неразделимость композиции и формы в архитектурно-градостроительной сфере.

Ключевые слова: преобразование, каркас, ткань, структура, композиция.

The article is devoted to the formulation of the initial provisions and basic concepts of the architectural and urban transformation theory. In their study, the authors use the concepts of framework, fabric, architectural and urban development organisms, "gravity lines" worked out by I. Golosov. The architectural and town-planning composition is asserted to be an aesthetically stipulated configuration of material elements and spaces. The structure of transformation of objects is perceived as a bigger "power" frame, flat or volume-spatial one. Composition and form in the architectural and town-planning sphere is asserted to be inseparable.

Keywords: transformation, framework, fabric, structure, composition.

Архитектор XXI в. работает в условиях композиционного плюрализма, что значительно усложняет его миссию, так как центр тяжести в творческом поиске все чаще переносится с рационального выбора из числа знакомых приемов в непознанную сферу профессиональной интуиции и формотворческой фантазии. Расплываются критерии оценки постоянно появляющихся композиционных новаций, что усиливает тенденцию движения к хаосу форм быстро обновляющейся среды обитания. Плюрализм формотворчества и агрессивность нового строительства в исторической среде актуализируют теоретические проблемы сохранения архитектурно-градостроительного наследия (АГН) в условиях фактически перманентных

преобразований (реконструкции) этой среды. Но общая теория преобразования АГН как философско-мировоззренческая и методологическая основа этой деятельности, объединяющая на принципиально-укрупненном уровне все ее аспекты и технологии, еще не разработана, что не соответствует актуальности проблемы, учитывая масштабы современных реконструктивных мероприятий — реальных и проектируемых.

Понятие преобразования применительно к архитектуре и градостроительству можно сформулировать как взаимосогласованное изменение физических, функциональных и эстетических параметров исторических объектов. Цель преобразования может быть различной: возвращение к прежнему виду (реставрация, восстановление);

согласование с изменившейся функцией, с новым контекстом (приспособление, реконструкция); полная замена одного объекта другим.

Теория преобразования АГН, как и любая теория, нуждается в неких основах, в устойчивых отправных положениях и понятиях, связанных между собой механизмом и логикой преобразовательной деятельности. Одна группа таких понятий тесно связана с категорией пространства-времени [1]. Для другой группы исходными являются понятия каркаса и ткани конкретных «явлений» исторического зодчества. Подобный подход впервые начал разрабатывать в 1920-х гг. архитектор-авангардист Илья Александрович Голосов — теоретик, педагог и практик современного зодчества. Среди введенных им терминов есть и «архитектурно-градостроительный организм» (АГО) [2, с. 51].

Очевидно, что масштаб преобразований АГН непосредственно зависит в том числе и от масштаба реконструируемой среды в своей типологической группе (потенциал преобразований). В укрупненном виде классификация групповой принадлежности объектов преобразования может включать в себя:

- центры исторических поселений и городов;
- фрагменты городских пространств;
- архитектурные комплексы и ансамбли;
- отдельные исторические здания и сооружения.

Каждый из обозначенных объектов преобразования, которые, следуя теории И. Голосова, можно назвать архитектурно-градостроительными организмами, имеет свою структуру, состоящую из «каркаса» и «ткани», характерных только для его типологической группы. Наличие каркаса и ткани можно обнаружить в любом материальном объекте — от интерьера до крупнейшей агломерации. Любая форма обладает структурным каркасом, который определяет ее основные параметры, ее архитектуру и даже принципиальный характер пластики. Задача состоит в том, чтобы в процессе преобразования взаимно согласовывать изменения каркаса и ткани. Наиболее наглядно диалектика «каркас-ткань» прослеживается в городских структурах и в некоторых видах каркасных зданий.

Каркас — самая устойчивая часть АГО, обладающая максимальным потенциалом сопро-

тивления любому преобразованию. Об этом свидетельствует вся история архитектуры. Так, например, широкомасштабная эпопея классицистического преобразования четырехсот средневековых русских городов при Екатерине II завершилась лишь частичной перепланировкой этих городов с сохранением основных магистралей, всех каменных зданий и вертикальных доминант. Опыт говорит, что преобразование, которое не ставит целью полное уничтожение объекта, замену его другим, должно сохранять каркас или развивать его. В наиболее радикальном виде на практике преобразование АГО удалось префекту Парижа барону Ж.-Э. Осману в третьей четверти XIX в.

Но для некоторых объектов актуальна не структура, а их композиция, всегда состоящая также из «каркаса» и «ткани». В связи с этим необходимо терминологическое уточнение понятий «структура» и «композиция». И здесь также может быть проведена аналогия с теорией И. Голосова, который выделял массу (простейшую объемную форму, не несущую в себе никакого внутреннего архитектурного содержания) и форму как совокупности массы и идеи [2, с. 51–52]. Для целей теории преобразования логично провести аналогию между массой и структурой, которая действительно безлична и складывается под влиянием объективных обстоятельств и условий.

Структура объектов преобразования представляет собой по существу укрупненный «силовой» каркас — плоскостный (горизонтально-планировочный либо фасадный) или объемно-пространственный (система соответствующих доминант или узлов). На градостроительном уровне это, как правило, планировочные системы и системы распределения доминант. На архитектурном же уровне это, по Голосову, система «линий тяготения» фасадов, которые могут выражать себя архитектурными членениями и системой распределения декора на плоскости [2, с. 55].

В отличие от структуры, композиция задается прежде всего эстетическими целями, формируемыми человеком исходя из определенных задач, условий, аксиологических предпочтений и пр. Она формируется закономерным (а не случайным) сочетанием элементов: звуков, линий, цветовых пятен, объемных форм, пространств и пр. Поэтому термин «архитектурная компо-

зиция» применим лишь к случаям организации пространства и массы с целью получить эстетический или символистский результат. К объектам закономерно не организованным (например, к историческим сельским поселениям и городам допроектного периода) термин неприменим. Неприменим он и к природным ландшафтам и объектам, так как природа творит по законам не красоты или композиционной закономерности, но оптимальной функциональности. Законы красоты — это «изобретение» человека, достигшего той стадии развития, когда его аксиологические возможности позволили преодолеть господство сугубо утилитарных ценностных представлений.

Таким образом, применительно к зодчеству можно утверждать, что *архитектурно-градостроительная композиция — это эстетически обусловленное взаиморасположение материальных элементов и пространств*. Определение выглядит простым, но содержит сложную проблематику, скрытую в словосочетании «эстетически обусловленное». Действительно, по каким именно законам, правилам, принципам должны сочетаться элементы композиции, чтобы родилось полноценное, т. е. образное и гармоничное произведение строительного искусства? Какие взаимоотношения могут (или должны) быть между массой и пространством, между элементами самой массы, между элементами пространства, между плоскостью и объемом, между внутренним пространством и его архитектурной оболочкой, между конструкцией и формой, между формой и функцией? Каким именно образом можно оптимизировать эти взаимоотношения и как следует учитывать законы восприятия (да и нужно ли их учитывать)? Часть этих вопросов связана с пониманием композиции как приоритета индивидуального авторского подхода к проектированию [3].

История говорит, что чувство композиционной упорядоченности зародилось у человека в глубокой древности, став одним из фундаментальных его отличий от представителей остального животного мира. Абстрактное мышление, постепенно формировавшееся у людей со времен неолита, рождало потребность в геометрически закономерной форме (в том числе форме пространства), что заставляло их ценой невероятных усилий создавать из природных материалов

композиционно упорядоченные формы, наполненные высшим, внеутилитарным смыслом. Так рождалось образное мышление. Поэтому развитие композиционных форм тесно связано с категориями духовного порядка, в том числе и с эстетическими (а в современном мире — в основном только с последними, ставшими «облегченным эквивалентом» духовности).

Искусственная среда обитания — самый монументальный продукт человеческой деятельности на протяжении тысячелетий. С древних времен практика зодчества накопила неисчислимое количество форм и приемов: конструктивных и декоративных. С 1920-х гг., когда начались кардинальные изменения основ архитектурного творчества, это количество стало резко возрастать, и данный процесс обещал быть бесконечным. В условиях этой «гонки» свободного формотворчества возникает резонное сомнение в существовании «вечных» композиционных законов и закономерностей в архитектуре. Сомнение исчезнет, если вспомнить, что произведения строительного искусства появляются и существуют по воле человека, а его природа остается неизменной на протяжении многих тысячелетий. Поэтому неизменны и фундаментальные основы зодчества. О богатейших возможностях формообразования в рамках композиционных, конструктивных, функциональных и иных ограничений свидетельствует вся история мирового зодчества.

Итак, архитектурно-градостроительный каркас существует в двух ипостасях: как стихийно сложившаяся структура, лишенная всякого эстетического замысла, и как организованная композиция, в которой эстетическая заданность является определяющей характеристикой. Соответственно, степень свободы преобразования во втором случае гораздо меньшая, чем в первом (хотя и там эта свобода имеет свои ограничения, поскольку любой каркас «консервативен» в силу собственных природы и предназначения).

По сравнению с каркасом *ткань* АГО гораздо более подвижна и обладает значительным, хотя и не безграничным, потенциалом преобразования. Ограничения может накладывать даже стилистика объектов, особенно классицистических. Ткань не столь глобальна, как каркас, и отличается определенной фрагментарностью своего строения, но в итоге может формировать

выразительную и целостную систему «линий тяготения»* (фасады зданий) либо разнообразно-целостную систему фрагментов ткани (застройка улиц, площадей, кварталов, набережных и пр.). Фрагменты «ткани» — это, по сути, и есть архитектурная форма. Она не есть синоним композиции, так как последняя олицетворяет собой принципиальные закономерности организации конкретной архитектурной «материи», которую в первом приближении можно обозначить как массу (т. е. как обобщенные геометрические параметры, контур, а не физическую массу будущей формы). Полноценной архитектурной «материей» форма становится после того, как «масса» будет конкретизирована «факторами влияния»: функцией, конструкцией, контекстом, технологией строительства, образно-эстетическими ображениями и пр. Из этого следует, что масса (структурный каркас) — это первая ступень материализации принципиальных композиционных закономерностей и связей. Масса как промежуточная категория исчезает после окончательного становления архитектурной формы. Поэтому можно утверждать, что архитектурная форма — это овеществленная и конкретизированная композиция.

Таким образом, можно констатировать, что в архитектурно-градостроительной сфере форма и композиция неразделимы. Но в этой диалектической паре композиция играет роль «организатора» формы. Иными словами, она является не целью, а средством проектно-строительной деятельности, направленной на создание вполне материального «продукта» — архитектурно-градостроительного объекта, т. е. реальной формы. Отсюда следует, что законы композиции и законы организации формы принципиально идентичны, а композиция и форма — это самые фундаментальные категории архитектуры

Для разработки теории преобразования АГО большое значение имеют работы советских архитекторов-авангардистов 1920-х гг. Кроме упоминавшегося Голосова, большой вклад в исследование законов архитектурной композиции внесли Н. А. Ладовский, М. А. Туркус, И. В. Ламцов, Н. В. Докучаев, В. Ф. Кринский. Благодаря

* По мнению Голосова, «всякий организм несет в себе некую силу, как равнодействующую всех напряжений. Эту равнодействующую он и называл «линиями тяготения» [2, с. 55].

переходу к геометрически чистым бездекорным формам им удалось подняться на высокий уровень формализации понятий, выявить и обобщить закономерности, виды и средства архитектурных форм и композиций. На современном этапе разработки теории преобразования формализованные понятия должны быть наполнены конкретикой обозначенной выше фактической типологии объектов преобразования (исторические города, их фрагменты, комплексы и ансамбли, отдельные здания). Для всех этих объектов теоретической основой выявления специфики преобразований могут служить обозначенные в настоящей статье исходные положения и формулировки понятий каркаса и ткани, формы и композиции.

Библиографический список

1. Заварихин С. П. Категория пространства-времени как основа теории архитектурно-градостроительных преобразований // Актуальные проблемы архитектуры и строительства: Материалы V Междунар. конф. 25–28 июня 2013 г. / под ред. Е. Б. Смирнова; СПбГАСУ. В 2 ч. Ч. I. СПб., 2013. С. 45–48.
2. Хан-Магомедов С. О. Илья Голосов. М.: Стройиздат, 1988. 232 с.
3. Малахов С. А. «Архитектурная концепция» в системе композиционного метода, определение принципиального содержания концепции и условий возникновения // Вестник гражданских инженеров. 2016. № 1 (54). С. 27–35.

References

1. Zavarikhin S. P. *Kategoriya prostranstva-vremeni kak osnova teorii arkhitekturno-gradostroitel'nykh preobrazovaniy* [Category of space-time as a basis for the theory of architectural and town-planning transformations]. *Trudy V Mezhdunar. konf. 25–28 iyunya 2013 g. «Aktual'nye problemy arkhitektury i stroitel'stva»* [Proc. of the V Int. conf. June 25–28, 2013 "Actual problems of architecture and construction"]. Ed. by Smirnov E. B., SPSUACE, in 2 pt. Pt. I. Saint-Petersburg, 2013, pp. 45–48.
2. Khan-Magomedov S.O. *Il'ya Golosov*. Moscow, Stroyizdat Publ., 1988, 232 p.
3. Malakhov S. A. «*Arkhiturnaya kontseptsiya*» v sisteme kompozitsionnogo metoda, opredelenie printsipial'nogo soderzhaniya kontseptsii i usloviy vzniknoveniya ["Architectural concept" in the system of the composite method. Definition of the basic contents of the concept and conditions of its emergence]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov – Bulletin of Civil Engineers*, 2016, no. 1 (54). pp. 27–35.